

ФЕЛИКС МЕДВЕДЕВ

КОЗЫРНАЯ СУДЬБА

ЛЕГЕНДАРНОГО
ИНТЕРВЬЮЕРА,
БИБЛИОФИЛА,
ИГРОКА

ИРИНА
ВЕРТИНСКАЯ

Ирина Вертинская

**Феликс Медведев. Козырная
судьба легендарного
интервьюера, библиофила, игрока**

«Алисторус»

2014

УДК 82-94
ББК 85.374

Вертинская И. В.

Феликс Медведев. Козырная судьба легендарного интервьюера, библиофила, игрока / И. В. Вертинская — «Алисторус», 2014

ISBN 978-5-4438-0694-5

Эта книга – первая попытка приоткрыть завесу тайны над яркой биографией одного из самых значимых журналистов современности, необычной судьбой легендарного интервьюера, знаменитого «огоньковца», флагмана «перестроечной» прессы, автора и ведущего телепередач «Зеленая лампа» и «Парижские диалоги», азартного игрока, знаменитого библиофила и неутомимого коллекционера. В его творческой копилке – встречи с такими знаковыми персонами, как Габриэль Гарсиа Маркес, Курт Воннегут, Михаил Горбачев, Андрей Вознесенский, Иосиф Бродский, Илья Глазунов, Анна Бухарина-Ларина, Эдуард Лимонов, Джуна Давиташвили, Франсуаза Саган, Анри Труайя, Артур Миллер... В его личном архиве – сотни уникальных автографов, фотографий, документов. В его журналистской памяти – многие открытия и загадки XX века.

УДК 82-94

ББК 85.374

ISBN 978-5-4438-0694-5

© Вертинская И. В., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Мой неистовый герой	6
Глава I	8
«Добавим огня «Огоньку»!	8
Где растёт Фигус-Филюс?	14
«По родству бродяжьей души...»	17
Вперед, сталинская смена!	19
Монархист и журналист-комсомолец, или Поверх барьеров	20
В гостях у «железной старухи» Мариэтты Шагинян	22
«Нас было пять, мы были капитаны, водители безумных кораблей...»	24
«Хотя бы одна заветная рукопись должна соединить писателя с будущим...»	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

**Ирина Вертинская
Феликс Медведев. Козырная
судьба легендарного
интервьюера, библиофила, игрока**

© Вертинская И.В., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

* * *

Мой неистовый герой От автора

К моменту нашего знакомства Феликс Медведев, как викторианский особняк, оброс невероятными легендами, и о его биографии уже тогда можно было сказать словами Ильфа и Петрова: «Тут было все». Встречи и беседы с «небожителями» культуры и политики, заграничные турне по странам и континентам, тысячи поклонников-читателей и, конечно, читательниц, журналистские премии, слава непревзойденного интервьюера, автора эксклюзивных публикаций, детективные повороты судьбы почти в стиле Хичкока и многое другое, о чем, с согласия главного героя, попытаюсь рассказать в этой книге.

А состоялось знакомство с Феликсом Медведевым в то не слишком далекое время, когда мы вместе работали в газете «Версия – Совершенно Секретно». Вернее сказать, я работала, а Феликс творил. Он летал туда-сюда, оживленный, занятой, в облаке своего тонкого шарма, с неизменным портфельчиком и ярким шарфом, небрежно-изысканно наброшенным на плечи.

Моя хорошая знакомая, тогда замглавного редактора «Версии», однажды кинулась ко мне, блестя глазами: «Ты знаешь, кто у нас работает? Сам Феликс Медведев! Он просто потрясающий человек! Вам обязательно нужно познакомиться!» Мы встретились в ресторане любимого в то время Феликсом заведения – казино «Корона», куда он, будучи одним из самых почетных гостей со статусом «ВИП», радушно приглашал перекусить своих друзей.

...Феликс сверкал нездешним лоском и какой-то нероссийской доброжелательностью, шутил и рассыпал конфетти комплиментов, словом, очаровал с первого взгляда и навсегда... А когда все это великолепии помножилось на такое неожиданное и приятное качество Феликса, как отсутствие нездоровой звездности при осознании собственной значимости, стало понятно, почему перед обаянием Феликса Медведева не смогли устоять «кумиры, гангстеры, премьеры, красавицы и короли».

Феликс Медведев обладает тем, несомненно, уникальным качеством, которое, как мне кажется, делает из пишущего человека настоящего журналиста и отличного психолога – искренним, глубоким интересом к собеседнику, к событиям, к самой жизни. Есть люди, рядом с которыми «застегиваешься» на все пуговицы, рядом с другими хочется помолчать, с третьими – банально скучно. И редко-редко случается, когда встречаешь человека и вдруг чувствуешь, как раскрывается душа, и ты говоришь, часов не наблюдая, о сокровенном и наболевшем, и печалишься, и смеешься... К этой немногочисленной, а оттого весьма ценной «могучей кучке» и принадлежит Феликс Медведев. О чем бы ты ни рассказывал Феликсу, всегда увидишь напротив его распахнутые, внимательные глаза и услышишь заинтересованное: «Да-а?» Ну как тут не ощутить себя значимой личностью и не довериться? Может быть, поэтому Феликс как-то сравнил свою работу с работой экстрасенса.

Однажды его спросили, почему он выбрал жанр интервью, мол, самая легкая стезя – «знай себе, спрашивай». На это Феликс ответил: «Профессия журналиста не так досужа и легка, как может показаться на первый взгляд. На самом деле, это эмоционально изнурительная работа, ибо каждая встреча, каждая история жизни оставляют царапину в душе, а герои, поведавшие о себе, остаются со мной».

В длинной, как сама жизнь, и яркой, как бриллиантовое ожерелье, череде его героев и героинь, сверкают имена Жаклин Кеннеди, Курта Воннегута, Франсуазы Саган, Артура Миллера, Чингиза Айтматова, Иосифа Бродского, Габриэля Гарсиа Маркеса, Сергея Михалкова – людей, по судьбам которых судят о целой эпохе. И собрано это драгоценное ожерелье одним человеком, чью судьбу определила сама эпоха.

Нельзя объять необъятное, но я искренне надеюсь, что эта книга хотя бы немного приоткроет завесу тайны над невероятной биографией самого Феликса Медведева, неугомонного человека, неистового интервьюера, пламенного русского мадьяра.

Глава I

«Добавим огня «Огоньку»!

В феврале 2013 года в квартире журналиста Феликса Медведева раздался телефонный звонок.

– Феликс Николаевич?

– Да, это я.

– Вам звонят из Следственного комитета Российской Федерации.

Феликс напрягся. Еще свеж в памяти «печальный детектив», изрядно потрепавший его нервы и здоровье. О той неравной борьбе популярного журналиста и могущественного олигарха пять лет назад трубили почти все центральные СМИ.

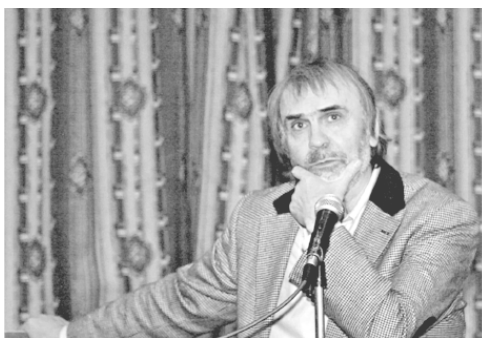
«В чем дело? – пытался он сообразить. – Ведь та злополучная история давно закончилась, и олигарх сам, по-видимому, понял, что его присные подставили шефа, спровоцировав на конфликт с прессой. Почему снова Следственный комитет?»

– Вы можете прийти к нам? Мы хотели бы с вами поговорить.

– А по какому вопросу?

– Вам скажут на месте, пропуск заказан... – прозвучало на другом конце провода.

Зная о присутствии мужу красноречия, жена попросила его не слишком разглаживать, чтобы сократить до минимума неприятный визит.

Очередная встреча с читателями. Задумчивое выражение внимательных глаз. Еще секунда – и оратор готов к ответу на любой вопрос

...Деликатно постучав и войдя в нужный кабинет, Феликс, притихший и внутренне собранный, скромно присел на предложенный стул...

– Следственный комитет интересуется ваши отношения с журналистом Полом Хлебниковым, с которым, как нам известно, вы были хорошо знакомы, – начал высокий следственный чин.

– Вот как? – удивился Феликс.

Он познакомился и подружился с замечательными русскими американцами Пуциными-Небольсинными-Хлебниковыми во время первой поездки в США в 1988 году. Позже не раз бывал в их нью-йоркской квартире и старинном загородном доме в Саутхемптоне, который принадлежал еще бабушке Павла Хлебникова, праправнучке Ивана Пуцинина, друга Пушкина, часто встречался с Павлом в Москве, когда тот возглавлял российский журнал Forbes. Сообщение в июле 2004 года о его убийстве потрясло Феликса. Он присутствовал в храме на

Ордынке, где отпевали бесстрашного журналиста, искренне желавшего помочь своими публикациями родине именитых предков.

– Но все, что я знал о Павле, рассказано в моей книге «Я устал от XX века». Вряд ли могу еще что-то добавить... – слегка растерялся наш герой.

...Если бы кто-то заглянул в кабинет через полчаса, то увидел бы неожиданную мизансцену: уверенный, раскрасневшийся, возбужденный Феликс, похрустывающий конфеткой за чашкой ведомственного чая, завораживает сюжетами о своем феерическом журналистском пути секретарицу, двух сотрудников Следственного комитета, один из которых в звании генерала, и словно заправская Кармен, оглушает присутствующих кастаньетами громких имен президентов, премьер-министров, звезд Голливуда, народных артистов, писателей, магнатов, с которыми ему доводилось встречаться...

Он всегда умел поражать. Пристальный интерес читателей, восхищенные глаза зрителей, первополосные анонсы журналов и газет, сияние софитов, трибуны и телекамеры – его стихия, кипящий котел, в котором рождаются творческое вдохновение и пламенное красноречие. Журналист, антрепренер, телеведущий, библиофил, аукционщик, писатель, игрок – он отдавался своим увлечениям с азартом и неистовством. Более полувека яркого горения. Редчайшее сочетание востребованности и неординарности.

За свою невероятно насыщенную жизнь Феликс повстречался с сотнями известнейших людей по всему миру – потомками царского рода, опальными поэтами, легендарными революционерами, диссидентами, музыкантами, певцами, художниками, писателями, актерами, режиссерами, первыми российскими олигархами, признанными или уже забытыми, богатыми или бедными – в его журналистской копилке сотни уникальных судеб. Работа в журнале «Огонек» вознесла его на вершину, и он стал одним из творцов той эпохи, когда слово «свобода» перестало быть пустым звуком.

Феликс Медведев пришел работать в журнал «Огонек» в самое застойное брежневское безвременье. Казалось, что ничего уже не может измениться в идеологическом пространстве огромной державы...

Феликс вспоминает, что отдел литературы «Огонька» работал качественно, старательно: регулярно печатались интервью с уважаемыми писателями, публиковались материалы из литературного наследия Александра Блока, Анны Ахматовой, выходили украшенные цветными вкладками номера, посвященные Пушкину, Гоголю, Маяковскому. Журналу охотно давали статьи Дмитрий Лихачев, Лев Гумилев, другие видные ученые и публицисты. Но казалось, что работа идет все-таки во многом вхолостую. Феликс не помнил случая, чтобы кто-то в Доме литераторов или Доме журналистов сказал ему доброе слово о той или иной публикации в софროновском детище. Изданием интересовались лишь сами авторы, их ближайшее окружение, любители детективных романов с продолжением, «кроссвордисты», собиратели цветных иллюстраций.

Трудно было предположить, что вскоре река времени совершит крутой зигзаг и мало кому известный в Москве киевский «варяг» Виталий Коротич со товарищи превратят «Огонек» в самый читаемый печатный орган страны. Хотя, надо заметить, что между мартом (когда сняли с должности Анатолия Софронова) и июнем 1986 года (когда назначили Виталия Коротича) журнал напечатал принципиальные для его реноме вещи. И самыми сенсационными среди них оказались первая после десятилетий глухого молчания публикация стихов Николая Степановича Гумилева и статья о нем заведующего отделом литературы Владимира Петровича Енишерлова.

Едва ли не самым ярким глашатаем новых веяний в журнале стал Феликс Медведев. Именно им для растущей аудитории «Огонька» выпекались острые, обжигающие «пирожки»

с актуальной начинкой. Конвейер работал бесперебойно – почти каждый номер журнала, становившегося все популярнее, украшало интервью с очередным «живым памятником» эпохи или новой кометой, сверкнувшей на политическом или литературном небосклоне. Яркие, нестандартные интервью неугомонного обозревателя немало способствовали тому, что тираж «Огонька», превращавшегося из официозного партийного издания в настоящую трибуну гласности, рос от номера к номеру.

Каждую субботу у киосков «Союзпечати» по всей стране происходили, без преувеличения, одинаковые диалоги.

– Есть ли в сегодняшнем номере интервью Феликса Медведева? – спрашивала очередь.

– Да, – отвечал просвещенный советский киоскер с улыбкой лакомки, уже отведавшего вкусенького, – сегодня Юлиан Семенов!

– Та-ак, – раздавалось в ответ, – почитаем!..

На следующей неделе у киосков та же сцена, меняется только герой номера – Сергей Михалков или Виктор Астафьев, Чингиз Айтматов или Элем Климов, Расул Гамзатов или Сергей Образцов... Автором этих откровеннейших, «непричесанных» интервью, был тот же Феликс Медведев.

Киоск «Союзпечать». Место, популярность которого в советское время была сравнима с интернетом, – только здесь можно было узнать последние новости с передовиц центральных газет, купить журналы для моделлистов, женщин, автомобилистов, спортивных болельщиков, садоводов, издания для школьников, сборники стихов, кроссвордов и анекдотов, конверты, марки, гибкие синие пластинки журнала «Кругозор» с самыми модными песнями... За популярными изданиями перестроечного времени, среди которых ярко блистал «Огонек», с раннего утра выстраивались длинные очереди

«Для меня, – признался в печати через много лет кинорежиссер Владислав Чеботарев, – но, думаю, и для многих других главной приманкой любого номера «Огонька» становились поистине ослепительные материалы за подписью таинственного Феликса Медведева, популярность которого в народе была просто сногшибательной... Мне, скажем, и по сей день не стыдно признаться в том, что я, взрослый мужик, с усердием примерного ученика вырезал очередную медведевскую публикацию, дабы поместить ее, как редкостного радужного махаона между листами скучной конторской книги».

Феликс Медведев открывал читателю новые имена, неожиданно и смело повествовал о судьбах людей, переживших драматические события прошлых эпох. Он поднимал завесу над многими тайнами недавней советской истории, рвался общаться с запрещенными до недавних пор персонажами, и на родине, и за границей. По-хорошему «всеядный», он предлагал читателю именно то, чего не хватало в ангажированной советской журналистике, – право выбора героя. Выбора своих героев, не навязанных «партией и правительством» оценок творчества и жизненного пути корифеев литературы, искусства, политики. Феликса можно назвать первым

российским «космополитом» газетно-журнального пространства. Наверное, поэтому на адрес редакции приходили сотни и сотни писем читателей, адресованных знаменитому журналисту. Многие сохранились в его архиве. Перечитывать их сегодня, когда с тех легендарных лет прошло уже две эпохи, можно и смеясь, и плача.

Перестройка, объявленная Михаилом Горбачевым на свой страх и риск, дала журналисту настоящий карт-бланш. Ему работаете безумно интересно: в голове роятся планы, вспыхивают идеи, перефразируя слова классика, он и жить торопится, и печататься спешит. Собственная судьба тесно сплетается с судьбами его героев, прошлых и будущих, ведет его по закоулкам времени, высвечивая огневыми вспышками события и даты...

Надо сказать, что Феликс постоянно ощущал некую незримую нить, которая, словно нить Ариадны, вела его по жизни, помогая держаться основного пути, не только как журналисту, но и как знаменитому книжнику, библиофилу. Его знакомство с неординарными людьми перерастало в дружбу. Они сами раскрывали журналисту истории своих судеб, подчас без оглядки исповедуясь.

Вот пример. В середине 70-х судьба сводит его с пожилым москвичом Лазарем Борисовичем Фридманом, работником одного из первых советских издательств в 20-е годы. Он охотно рассказывает гостю о своих знакомствах с интересными персонажами той поры.

– Между прочим, Феликс Николаевич, я знал и самого Сергея Есенина, – однажды признался новый приятель.

– Сергея Есенина? – не поверил своим ушам Феликс.

– Ну да, – улыбнулся старик. – У меня даже сохранилась книга с его автографом...

– А нельзя ли на нее взглянуть? – заволновался гость-книголюб, вонзившись взглядом в собеседника и судорожно нащупывая в кармане диктофон.

Надо заметить, что с приобретением диктофона (весьма дефицитного в советское время орудия журналистского труда и незаменимого помощника интервьюера) в жизни Феликса появились два неизведанных ранее страха: первый – забыть диктофон дома и второй – перепутать кнопки. За долгие годы владения этой хитроумной техникой он так до конца и не освоит ее. Любая электроника для него навсегда останется загадкой. До сих пор Феликс не умеет пользоваться Интернетом, с трудом находит на пульте единственно приемлемый им канал «Культура», боится мобильного телефона и всякий раз, как правило, нажимает не на те кнопки... Память журналиста хранит целую копилку драматических историй, когда коварный диктофон подводил его, и самая важная беседа оставалась не воспроизведенной на пленке. Выйдя из глубокого пике и осознав ужас, кажется, безвыходной ситуации, Феликс воссоздавал на бумаге сказанное именитым собеседником, виртуозно донося до читателя все нюансы и интонацию разговора. Долгое время только жена знала о том, что беседы с такими своеобразно мыслящими мастерами слова, как Грант Матевосян, Габриэль Гарсиа Маркес, Иосиф Бродский, не записались на магнитофонную ленту. Феликс воспроизвел их по памяти. Кстати, у моего героя это получилось так естественно, что читатель ни о чем не догадался. Написанное явилось результатом экстремального напряжения и высокого профессионализма.

...Когда на свет родилась статья об автографе Есенина, осталось только пристроить свежее испеченную «нетленку» в хорошее издание.

«Но куда? – думал Феликс, перебирая отпечатанные страницы. – В «Московскую правду»? В «Вечернюю Москву»?..

Там-то всегда были рады феликсовым штудиям: их отличала небанальность подхода, живость языка. Ему не приходилось «вымучивать» темы – сама жизнь подбрасывала нужный материал. Так однажды, начинающий журналист Феликс Медведев, торопясь на свидание, несся по Тверской, и цепкий репортерский взгляд выхватил вывеску: «Зеркальная мастерская».

«Интересно, – удивился он. – Неужели здесь, в центре Москвы, делают зеркала? Странная работа: чем бы ты ни занимался – всегда видишь себя... Десятки отражений...» И он вспомнил какую-то публикацию о том, что, отражаясь в зеркале, человек всякий раз теряет частичку своей ауры. Поразительно!

Ноги сами завернули к двери. Легкий скрип – Феликс вошел в мастерскую, жизнерадостно поприветствовал работников и, предъявив корреспондентское удостоверение, вывалил на сосредоточенные головы зеркальных дел мастеров кучу вопросов. Удивленные неожиданным вниманием прессы, «зеркальщики» отвечали поначалу сдержанно, но потом открыто увлеклись разговором и с удовольствием поведали симпатичному репортеру о тонкостях своей работы.

Свидание пришлось отменить, а через несколько часов Феликс уже достал из печатной машинки последний листок – эссе-экспромт готово. Статья «В ста зеркалах себя я вижу» украсила ближайший номер журнала «Служба быта».

1987 г. С выдающимся журналистом, коллегой по «Огоньку», Артемом Боровиком на очередном выступлении перед поклонниками журнала. В 2000 году Артем погибнет в авиакатастрофе, причины которой не раскрыты до сих пор

Но в этот раз он решил твердо: «С Есениным буду играть по-крупному. Не отнести ли его в «Огонек»? Чем черт не шутит?»

Подхватив портфельчик, набросив модный шарф, погожим осенним деньком 1975 года Феликс помчался в известное в Москве здание возле Савеловского вокзала. Здесь, в издательстве «Правда», и находилась редакция популярного журнала. Отделом литературы «Огонька» руководил Владимир Енишерлов, литературовед, знаток творчества Александра Блока, приветливый, интеллигентный молодой человек.

– Мне нравится, – одобрительно сказал Енишерлов, познакомившись со статьей и с ее автором. – Увлекательно... Попробуем опубликовать. Кстати, будет еще что-то интересное по тематике отдела, сразу несите к нам, – Владимир Петрович протянул руку.

– Обязательно, – ответил на рукопожатие гость и, окрыленный, выскочил из редакции.

Через несколько дней Феликс возник на пороге «Огонька» с новой статьей...

А вскоре энергичного журналиста пригласили на особый разговор.

– Есть возможность оформиться к нам внештатником, – объявил Енишерлов. – И «корочку» с автографом Анатолия Владимировича Софронова получите.

– Корочку? – распахнул глаза Феликс и на секунду замер. – Спасибо, Владимир Петрович, почту за честь.

Удостоверение корреспондента «Огонька» не просто подтверждало статус его обладателя, оно служило настоящим волшебным «сим-сим, откройся!» в мир дверей, недоступных простым смертным.

– Мила, посмотри, что у меня есть! – задыхаясь от восторга, предъявил он трофей юной супруге. – Давай бокалы!

На стол выгрузились бутылочка шампанского «Советское», добытого в знаменитом «Елисеевском», и кусок голландского сыра.

– Поздравляю! – искренне порадовалась жена. – Ты молодец!

– Ну, я же говорил, что буду в «Огоньке»! – глаза его сверкали. – Добавим журналу огонька!

Феликс погладил красную кожу удостоверения. Что-то давно забытое всколыхнулось в памяти...

Где растёт Фикус-Филюс?

... Осень 1947 года. Задворки села Головино Покровского района Владимирской области. Диверсант привычным движением чиркнул спичкой. Сухое колхозное сено мгновенно занялось. Огонь жадно поглощал траву, подбираясь снизу к нездешней работы красным сапожкам. Поджигатель неожиданно испугался пламени, такого яркого в закатных сумерках, и бросился на стог, вырывая руками горящие клоки сена и яростно затаптывая их в землю. Борьба была неравной. Измученный и грязный, он изо всех сил понесся к скромному бревенчатому домишке, где можно было отсидеться до поры. В эту минуту он не жаждал ни признания, ни славы. Спустя 11 лет диверсант по фамилии Партош получит советский паспорт, где в графах «Фамилия, имя, отчество» будет стоять: Медведев Феликс Николаевич.

Русская национальная забава, известная в народе как «подпустить красного петуха», пришлась по сердцу мальчугану с большими хитрыми глазами, длинными ресницами и ангельской улыбкой.

Он не хотел никому навредить, просто необъяснимым образом его привлекала стихия огня – хищное зарево, пожирающее и очищающее одновременно. Феликс не станет пироманом, но неукротимая огненная стихия пройдет через всю его судьбу, начиная с первого дня жизни.

Он родился ранним утром 22 июня 1941 года. Уже полчаса фашисты бомбили наши города: над огромной страной, его родиной, вспыхнул самый страшный пожар – Великая Отечественная война.

Юный красавец венгр Банды приехал в Москву в 1923 году вместе со своим отцом, врачом по образованию, поэтом по призванию и революционером по велению сердца Золтаном Партошем. Вынужденная эмиграция семьи Партошей связана с разгромом венгерской социалистической революции в 1919 году, в которой глава семьи принимал активное участие. Москва стала европейским беженцам вторым домом.

...Молодой человек, сменивший непривычное для русского уха имя Банды на понятное Андрей, неспешно прогуливался по Арбату, разглядывая витрины самой знаковой улицы Москвы, и вдруг остолбенел: навстречу ему уверенной походкой шла миниатюрная, ясноглазая девушка. Густые волосы, уложенные в красивую причёску, отливали теплым каштановым блеском, скромное, но хорошо сшитое платье мягко облегалo девичий стан. «Итак, она звалась Татьяной»... Татьяна была родом из села Головино Владимирской области, в Москве жила с отцом. Иван Ахапкин прибыл в столицу на отхожий плотницкий промысел и взял с собой дочь, чтобы та имела возможность учиться в московской школе. Это было мудрое решение: Татьяна, прилежная ученица, полюбила книги, а, окончив в Москве школу, обучилась печатать на пишущей машинке. Но главное, Татьяна была весьма привлекательна, что притягивало к ней молодых и не очень молодых поклонников.

Годы спустя она поведаёт подрастающему сыну Феликсу любопытную историю о том, что ей, Танюше Ахапкиной, поэт-песенник Михаил Исаковский, посещавший Центральный телеграф на Тверской, где девушка работала после окончания школы, обещал посвятить стихотворение «Танюша». Позже она узнает знакомые строчки в знаменитой на весь мир песне «Катюша».

Татьяна Ахупкина. Такую красивую русскую девушку встретил знойный мадьяр Банды Партош на Арбате в начале 40-го года прошлого века

Татьяну нельзя было назвать кроткой. Однажды она безоговорочно оставила своего поклонника-американца, когда тот попытался позаботиться о возлюбленной – в преддверии московских холодов решил купить ей пальто. Едва осознав намерения заокеанского ухажера, Татьяна густо покраснела и пулей вылетела из магазина. Больше у незадачливого поклонника не было ни малейшего шанса. Гордость всегда будет главной чертой ее характера. Именно в такую девушку и влюбился с первого взгляда молодой мадьяр.

Чернобровому красавцу с породистым орлиным профилем пришлось подключить все свое жгучее обаяние, чтобы увлечь Татьяну. Этот гипнотический шарм, смягченный русской деликатностью, много лет спустя станет в профессии их сына заветным золотым ключиком, открывающим сердца и души. Влюбленные не стали тянуть с женитьбой, и вскоре, в роддоме имени Надежды Крупской, что недалеко от Белорусского вокзала, на свет появился симпатичный «принц-полукровка» – главный герой нашего повествования. Андрей назвал своего первенца Феликсом. Имел ли он в виду железного Феликса или просто хотел, чтобы сын носил «счастливое» имя, а именно так оно и переводится с греческого языка, – осталось тайной, но очевидно, что ребенок с таким именем и рожденный в такой день был обречен на необычную судьбу. Едва став отцом, Андрей Партош ушел на фронт. Ведь сын его родился 22 июня 1941 года.

Молодую невестку с внуком забрала к себе семья деда Золтана, в квартиру 4 дома № 10 по Тверской-Ямской. Когда в Москве объявляли воздушную тревогу, мама, завернув малыша в одеялко, бежала вместе со всеми на станцию метро «Маяковская». Феликс признается: «Когда по телевизору (теперь все реже и реже) показывают знаменитые кадры кинохроники, запечатлевшие спасавшихся от немецких бомб москвичей именно на этой станции, я волей-неволей в каждой молодой красивой женщине с ребенком на руках вижу свою мать».

После войны мама осталась работать в Москве, а маленького Феликса отвезла на воспитание бабушке – Марии Ивановне, простой владимирской крестьянке, не знавшей грамоты и ставившей вместо подписи в ведомостях за трудодни отпечаток большого пальца. Бабушке непросто было справляться с «импортным» внуком, способным с младых ногтей выказывать мадьярский нрав. Феликс вырастает в сельский быт, познает деревенское просторечие, щедро

пересыпанное острым словцом, на которое Мария Ивановна большая мастерица. Мама приезжает из Москвы с гостинцами и письмами от отца.

Шли годы. Черноволосый мальчишка Феликс Партош растет экзотическим цветком среди картофельно-капустной рассады. Не похожий на простых деревенских пацанов ни внешностью, ни привычками, он выглядит явным инородцем. Не зная такой национальности, как венгр, сельская ребятня кликала мальчика «куреем», так звучало на владимирско-деревенский манер слово «еврей» (кем же еще может быть явно не славянского вида малец?). Родную бабушку ставит в тупик имя ее удивительного внука. Вместо непроизносимого для нее «Феликс» она называет его то «Филлос», то «Фикус».

«По родству бродяжьей души...»

Заботливый папа передавал для сына заграничные вещи и подарки, которые в трудное послевоенное время казались настоящим чудом. Красные кожаные сапожки, безнадежно испорченные во время «диверсионной операции», тоже были папиным подарком. Феликс, уже тогда любивший «пофорсить», страшно переживал по поводу их безвременной кончины. Фурор среди мальчишек произвела не виданная доселе забавная игрушка – прыгающий цыпленок. Сохранилось несколько красивых рождественских открыток от отца: «Моему дорогому сыну Феликсу! Никогда не забывай папу, папа тебя очень любит. Я тебе посылаю игрушки, конфеты и печенье. Играй, кушай на здоровье... Твой папа. Крепко и крепко тебя целую. Будапешт, 23 декабря 1946 года».

Феликс и кушал, и играл. Причем играл совсем не в том смысле, какой папа вкладывал в свой наказ. Горячая кровь не давала мальчишке покоя. Помимо любви к свободе и кострам в чистом поле, обнаружилась страсть к игре, самой азартной из которых у мальчишек считалась «об стенку». Конечно, азарт стоил денег, а где их было взять? Быстрый ум тут же родил авантюрную идею: потихоньку таскать яйца из бабушкиного курятника и сдавать их на заготовительный пункт. Приемщица в нарушение установленных правил, запрещающих расчеты с детьми, принимала яйца у малолетнего торговца. Получив вождеденные монетки, а три копейки тогда составляли целый капитал, мальчишка немедленно мчался к друзьям по игре и у стенки, где разворачивалось действие, получал первый опыт азарта, погружаясь в радость выигрыша или горечь поражения. Позже в жизни ему пригодится еще одно умение – хорошо прятаться. Его «сотрудничество» с заготпунктом не могло долго оставаться секретом для бабушки, виртуозной матерщинницы, и юному аферисту часто приходится отсиживаться у друзей, переживая семейные лингвистические бури. В память о тех бурных сценах Феликс сохранит любовь к эффектным диалогам.

В остальном детство маленького венгра ничем не отличалось от жизни простых русских мальчишек. «Помню корову, – вспоминает Феликс, – пережевывающую сено в темном подворье и тяжело дышавшую, вкус парного молока и аромат облупленных куриных яичек, вынутых прямо из сенного гнезда и сваренных в чугушке. До смерти боялся я ночевать на сеновале, потому что в углу под скатом шевелились огромные пауки. И убегал куда-то за реку, если знал, что нынче мимо окон понесут на кладбище покойника. Вся деревенская жизнь проходила перед глазами. Все это, вместе взятое, называется «малой родиной».

Но в конце 40-х у Феликса появился шанс сменить «малую родину». Этот случай, сдобренный односельчанами шокирующими подробностями, включая овчарок и автоматчиков, потом много лет будоражил деревню. Папа Феликса, расстроенный разлукой с сыном и, по всей видимости, исчерпавший аргументы в споре с женой, отношения с которой к тому времени разладились, следуя старинному цыганскому обычаю, решил попросту... выкрасть ребенка. На этом фоне кража его сыном бабушкиных яиц имеет, выражаясь словами другого известного авантюриста, «вид невинной детской игры в крысу».

Диверсант с ангельской внешностью Феликс Партош. 1947 г.

Однажды, в теплые летние сумерки, в деревню на большой скорости влетел черный «виллис», в котором сидели братья Ласло и Андрей Партоши. Неожиданные гости села Головино, облаченные в военную форму, принялись расспрашивать изумленных селян о местонахождении Феликса. Всполошилась вся деревня. Головинцы сообразили, что речь идет о «курее Филюсе». Двоюродная сестра Феликса Рая огородами увела мальчугана из бабушкиного дома и спрятала в подполе у соседей. Мария Ивановна тем временем с трудом держала оборону перед натиском иноземного зятя.

Ни бабушка, ни односельчане не подвели – дислокация Феликса осталась тайной. Вконец расстроенный отец унесся в Москву, сверкая глазищами и что-то выкрикивая на родном языке, сопровождаемый синхронным переводом и авторскими комментариями бывшей тещи... Увидеть сына он сможет только много лет спустя, в Венгрии, куда приедет с группой комсомольских активистов Владимирчины юный корреспондент районной газеты Феликс Медведев. К тому времени наш герой уже поймет, кровь каких необычных предков течет в его жилах.

Вперед, сталинская смена!

Едва научившись грамоте, Феликс пристрастился к чтению книг.

Оформив развод с мужем, Татьяна Ивановна вернулась из Москвы. Устроившись библиотекарем Дома отдыха московского завода «Машиностроитель» в поселке Иваново, она увезла туда сына. Именно здесь Феликс получает навыки общения с публикой, выступая в концертах самодеятельности. Выходя на сцену, он ощущает не трепетное волнение начинающего артиста, а радостное возбуждение – ведь сейчас весь зал будет смотреть на него, такого замечательного и талантливого. Примерно в это же время в Дом отдыха приезжает 12-летний Володя Высоцкий (об этом Феликс узнает только через тридцать лет, познакомившись и подружившись с его мамой, Ниной Максимовной Высоцкой). Обоим мальчишкам пока невдомек, в какой причудливый узор сложится калейдоскоп жизни...

Тем временем создалась новая семья – Татьяна Ивановна вышла замуж за Николая Медведева, учителя истории в местной школе. Ему пришлось по сердцу своенравный пасынок с революционным именем, и спустя некоторое время по решению взрослых Феликс обзавелся новыми фамилией и отчеством. Так Партош стал Медведевым.

Правда, нового главу семьи Феликс довольно долго игнорировал, невзирая на настойчивые просьбы мамы называть его отцом. Возможно, потому что он еще помнил настоящего папу, а, может быть, потому что мама была чересчур уж настойчива, и в душе упрямого сына запылал огонь противоречия. Тот самый, что принесет ему в будущем и славу, и неприятности. С годами Феликс принял отчима, простого, сердечного человека, и подружился с ним, но за всю жизнь так и не решил, как к нему обращаться и не обращался никак.

К 1953 году оба Медведева неплохо продвинулись по карьерной лестнице: Николай Александрович, верный партиец, стал председателем колхоза, а двенадцатилетний Феликс – внештатным корреспондентом районной газеты «Новая жизнь». Спустя год его заметки начнут появляться в областной молодежной газете «Сталинская смена».

Феликсу запомнился день, когда, вернувшись из школы, он увидел, как у допотопного радиоприемника, понурившись, сидит отчим.

– Что случилось? – Феликс никогда не видел его в таком состоянии.

– Умер Сталин... – вытирая слезы, глухо ответил Николай Александрович. До самой смерти осенью 1992 года он оставался искренним коммунистом и не раз говорил приемному сыну, что хотел бы видеть во главе страны Николая Ивановича Рыжкова.

... Первыми творческими победами юнкора стали интервью с земляками-владимирцами – чемпионом Советского Союза и Европы по десятиборью Василием Кузнецовым, сестрами поэта Герасима Фейгина, который учился в Покровской гимназии, а позже погиб на Кронштадтском льду (их с трудом нашел Феликс в Москве, они жили на улице Горького), и знаменитым поэтом Александром Безыменским.

Полученные гонорары тут же уходили на покупку книг. В числе первых приобретений книга «Жить в мире и дружбе!» Никиты Хрущева, написанная по итогам исторического визита в США. А книга Валентина Катаева «За власть Советов» хранит памятную дарственную надпись: «За активное сотрудничество в районной газете «Новая жизнь» юнкору газеты Феликсу Медведеву. 10 мая 1954 года. Редактор газеты Н.Иванова».

Школьные годы подходили к концу, и «венгерский кукушонок» торопился поскорее вылететь из гнезда. Певчей птички коммунизма из него все-таки не получится...

Монархист и журналист-комсомолец, или Поверх барьеров

... Из первых юнкоровских знакомств Феликсу запомнилась встреча, на долгие годы определившая сферу приложения его талантов.

Как-то, в самом конце 50-х, от своего литературного наставника, руководителя областной писательской организации Сергея Константиновича Никитина Феликс узнал, что во Владимире живет человек, принимавший отречение от власти у последнего российского монарха Николая II, – Василий Витальевич Шульгин. Трепетный журналистский нюх горячо шепнул Феликсу: «Ату!» И вот каждый раз, приезжая по своим корреспондентским делам во Владимир, Феликс стал наблюдать за подъездом дома, где жил Шульгин. Юношеская нерешительность не позволяла ему просто постучаться в дверь на первом этаже. Оставалось ждать и надеяться.

Капитан советской армии Андрей Партош приехал с фронта навестить сына. Москва, 1943 г.

И однажды ему повезло: высокий, опрятный старец в компании дамы вышел на прогулку. Феликс спикировал к Василию Витальевичу, как коршун, выследивший добычу. Можно представить изумление бывшего депутата Государственной Думы, тихонечко доживавшего свой век в ссылке, когда неугомонный юнкор газеты с махровым названием «Сталинская смена» попросил об интервью.

«По тем временам, – вспоминает Феликс, – а это был 1959 год – такое поведение можно было расценить как поступок умалишенного. В моем воспаленном творческой удачей сознании не было места здоровой мысли о том, что я поступаю безрассудно и рискованно, общаясь с убежденным монархистом и врагом советской власти.» Растерявшийся Шульгин вроде бы согласился поговорить, но ничего «крамольного» не сказал, все время переводя разговор на другие темы. Когда же игра в «не знаю-не помню-не скажу» ему порядком поднадоела, он прямо спросил у юного интервьюера:

– Молодой человек, зачем вам портить жизнь? Неужели вы не понимаете, что мое имя под запретом?

– Понимаю... – согласился Феликс. – Но должен же кто-то рассказать правду? Ведь ваша жизнь и судьба принадлежат истории...

– Может быть, – тихо ответил Шульгин. – Только вы рискуете, как мне кажется, больше меня...

Конечно, Шульгин, умудренный горьким опытом человек, был прав со своей стороны. Но и Феликс считал себя правым – если не он, думал юноша, то кто же еще будет искать забытых, неординарных людей, открывать запретное и первым рассказывать обо всем читателю?

Несостоявшееся интервью с Шульгиным несколько не охладило журналистский пыл молодого романтика. В нем еще сильнее загорелось желание искать, встречаться, открывать. Невзирая ни на какие барьеры.

В гостях у «железной старухи» Мариэтты Шагинян

Несколько молодых мужчин, негромко переговариваясь, склонились над планом местности. Их интересует адрес: «ул. Серафимовича, д.9а». Наконец, следуя по «стрелочкам» с комментариями, они находят нужный дом и упираются в неприветливый забор, на котором не видно ни замка, ни звонка. Улица безлюдна.

– Ну, что, лезем? – шепотом предлагает самый решительный. Замерли, оценивая ситуацию.

– Да вы просто дверь толкните, – вдруг предлагает сзади женский голос.

Оглянувшись, мужчины видят почтальоницу, приветливо помахивающую газетой. – У Мариэтты Сергеевны всегда не заперто.

Толкнули дверь, и она распахнулась. Так Феликс Медведев с двумя друзьями-коллегам – корреспондентом газеты «Правда» Александром Арцыбашевым и курганским журналистом Вячеславом Аванесовым попали в дом знаменитой на всю страну писательницы.

«Железная старуха Мариэтта Шагинян, искусственное ухо рабочих и крестьян», как прозвали ее в литературных кругах, – одна из самых обласканных советской властью писательниц, почти все время проводила в тиши уютно-литературного поселка Переделкино. На окнах ее дома фломастером было выведено: «Посмотри, как прекрасен мир, в котором ты живешь». Она слыла четким, пунктуальным человеком (по характеру и в силу тяжелого недуга – глухоты и восьмидесятипроцентной потери зрения).

При предварительной встрече с журналистом в своей московской квартире в районе метро «Аэропорт» она снабдила его чертежом-инструкцией, до какой железнодорожной станции ехать к ней на электричке, какими улочками идти к ее дому и так далее (кстати, завзятый коллекционер Феликс до сих пор хранит этот раритет).

Тем не менее, гостей хозяйка встретила сурово. Как только Феликс заговорил о предмете своего интереса – Александре Блоке, с которым Шагинян была дружна, она отрезала:

– Я уже все о нем рассказала!

Интервьюер не растерялся и приготовился было задать вопрос, который «зацепил» бы Мариэтту Сергеевну, но вдруг она сама решила использовать журналиста в качестве новостной телепрограммы:

– А правда ли, что Ефремов ставит «Целину»?

Часть трилогии «Целина», выпущенная баснословным пятнадцатимиллионным тиражом, написанная профессиональным журналистом от имени Леонида Ильича Брежнева, среди грамотной публики не раз становилась объектом шуток. Переложение этого сомнительного произведения на язык театра, видимо, остро взволновало Шагинян.

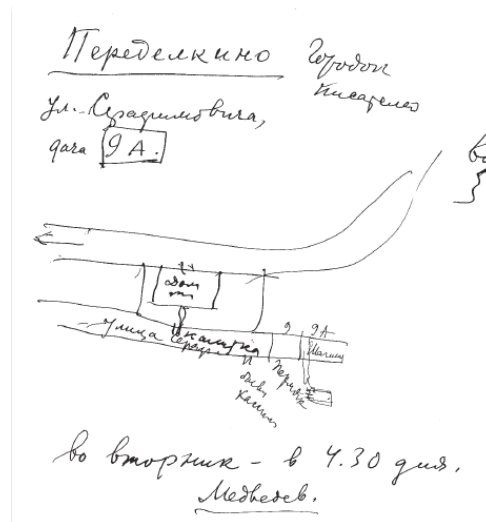
Феликс не упустил шанса.

– А мы прямо сейчас все выясним! – с вежливой готовностью откликается он на заинтересованность Мариэтты Сергеевны. – Я могу позвонить от вас?

Прозрачный намек журналиста писательница поняла правильно и усмирила свой пыл.

– Вы с товарищами? – осмотрела она компаньонов Феликса. – Ну, что же, рассаживайтесь, будем говорить...

А дальше – четыре часа увлекательнейшей беседы с живым рупором социализма...

Мариэтта Сергеевна Шагинян, автор внушительной «Ленинианы», слыла весьма основательным человеком. Каждый день ее жизни был расписан по минутам. Чертеж-инструкция для журналиста, чтобы он не тратил время на поиски ее дачи и пришел ровно «в 4.30 дня», как указано

«Нас было пять, мы были капитаны, водители безумных кораблей...»

Одним из самых громких имен, словно колокол, возвестившим о наступлении перемен при Горбачеве, стало имя Николая Гумилева. Первая за более чем полвека публикация стихов намеренно «забытого» советской властью поэта получила мощный резонанс в обществе.

В 1986 году, уловив легкое колебание свежей струи в застойном воздухе, отдел литературы «Огонька» во главе с Владимиром Енишерловым замыслил экстремальную литературно-политическую акцию: организовать публикацию стихов Николая Гумилева. Незадолго до этого в журнале вышла интереснейшая статья сына опального поэта, знаменитого историка Льва Гумилева, посвященная Куликовской битве. Феликс страстно увлечен прекрасными стихами Гумилева-старшего. В его коллекции первоизданий почетное место занимает редчайшая первая книга стихов Николая Гумилева «Путь конквистадоров». Потрясает и удивительная, яркая и трагически короткая судьба одного из лучших поэтов Серебряного века. Блестящий офицер, награжденный Георгиевским крестом, литературный критик, переводчик Теофиля Готье, Уильяма Шекспира, Роберта Браунинга, исследователь Африки, благодаря которому коллекция петербургской Кунсткамеры пополнилась редкими экспонатами, высокообразованный человек, мечтавший создать «Географию в стихах», супруг Анны Ахматовой и отец ее сына Льва Гумилева, он так много успел и не успел к своим 35 годам, когда его обвинили в некоем контрреволюционном заговоре... Николая Гумилева расстреляли где-то под Петроградом 26 августа 1921 года, в тот кровавый год, когда «страна, что могла быть раем, стала логовищем огня». Всего к расстрелу по этому делу был приговорен 61 человек. Место гибели и захоронения поэта точно не установлено.

Но никогда я не пойму в тоске,
Зачем скользит луна среди голубых равнин,
Когда из лунных взглядов ни один
Меня заметить бы не мог...
И взял меня внезапно Бог!

Так провидчески звучат трагические строки знаменитой поэмы «Пиппа проходит» Роберта Браунинга в переводе Николая Гумилева.

Об официальной политической реабилитации Гумилева пока никто и мечтать не может, это случится только в сентябре 1991 года. Сейчас же, в еще глухом 1986, намерение опубликовать его стихи выглядит как вызов не только когорте «придворных» литераторов, но и всей беспамятной, стерилизованной советской культуре.

Отдел литературы «Огонька», возглавляемый Владимиром Петровичем Енишерловым, решает начать свою «Куликовскую битву», чтобы вернуть читателю имя опального, преданного полному забвению талантливого поэта.

Близится 100-летие со дня рождения Гумилева, времени очень мало, и для того, чтобы добиться поставленной цели, нужно пустить в ход «тяжелую артиллерию». К тому же в этот момент от занимаемой должности освободили бессменного главного редактора Анатолия Софронова. Воцарилось безвластие, и надо было срочно пользоваться моментом!

Вопросами литературной цензуры в стране ведал Владимир Алексеевич Солодин, знаток русской поэзии, неординарная личность. Он дал дельный совет – обратиться за разрешением на публикацию стихов Гумилева к Александру Яковлеву, курирующему тогда в ЦК КПСС вопросы идеологии и культуры, от имени самых именитых и биографически безупречных советских ученых и писателей. «Могучая кучка» во главе с академиком Д.С.Лихачевым и

В.П.Енишерловым составила обращение, в котором каждое слово было выверено и взвешено. Сегодня это письмо само по себе яркое свидетельство эпохи – времени, когда прежняя тьма стала отступать, но свежий ветерок первых перемен еще не предвещал тех жутких бурь, которые завертят Россию в сумасшедшем хороводе.

«Секретарю ЦК КПСС

товарищу А.Н.Яковлеву.

Многоуважаемый Александр Николаевич!

В апреле 1986 года исполняется 100 лет со дня рождения известного русского поэта Николая Степановича Гумилева (1886–1921). В последний раз книги Н.Гумилева были изданы в нашей стране через два года после его смерти – в 1923 году. К сожалению, трагедия судьбы Гумилева в последующее время пагубно сказалась на судьбе его творческого наследия. В последние годы широкому кругу советских читателей стали известны произведения таких авторов, как А.Аверченко, И.Бунин, А.Ремизов, М.Цветаева и других. По нашему мнению, надо пересмотреть и отношение к творческому наследию Гумилева. Н.С.Гумилев не написал ни одного произведения, направленного против советского строя. После революции он вместе с А.Блоком и другими представителями отечественной интеллигенции активно работал в организованном А.М.Горьким издательстве «Всемирная литература», помогал росту молодых поэтов. Его творчество оказало существенное влияние на развитие советской поэзии. Стихи Гумилева были и остаются объективным фактом русской литературы, в связи с чем многолетнее отсутствие его произведений в печати служит лишь на руку нашим идеологическим противникам, порождая ненужные толки и сплетни. Забвение творчества Н.С.Гумилева наносит безусловный вред отечественной культуре.

Просим разрешить публикацию прилагаемой подборки стихотворений Н.С.Гумилева и биографической заметки о нем в одном из апрельских номеров журнала «Огонек», выпуск лучших стихотворений Н.С.Гумилева в «Библиотеке «Огонька», подготовку в дальнейшем более полного издания его стихотворений, пьес, литературно-критических статей.

С глубоким уважением,

Д.С.Лихачев, академик,

лауреат Государственной премии СССР;

В.Г.Распутин, писатель,

лауреат Государственной премии СССР;

Е.А.Евтушенко, поэт,

лауреат Государственной премии СССР;

В.А.Каверин, писатель,

лауреат Государственной премии СССР;

И.С.Глазунов, народный художник СССР;

И.С.Зильберштейн, доктор искусствоведения,

лауреат Государственной премии СССР;

И.В.Петрянов-Соколов, академик,

Герой Социалистического Труда,

лауреат Ленинской премии,

председатель Всесоюзного общества книголюбов».

Собрать подписи под столь важной эпистолой непростое дело. Видные деятели, живущие в разных концах огромной державы, заняты и перезаняты своими делами. Их нужно найти,

встретиться с каждым лично, убедить... Феликс ближайшим же самолетом вылетает в Иркутск, к Валентину Распутину всего за одной строчкой – его подписью. Получив вожаденный автограф, первый на этом историческом обращении, наш герой с реактивной скоростью возвращается в Москву. Никаких мобильных телефонов – в 80-е все новости сообщаются лично!

В редакции журнала «Огонек». А. Вознесенский и Ф. Медведев обсуждают статью поэта о Марке Шагале. Черновой рукописный вариант этой статьи библиофил хранит до сих пор

– Ура! Мы победили! – влетает Феликс в кабинет шефа и достает из портфеля заветный листок с автографом одного из самых авторитетных писателей Советского Союза.

Это была самая короткая и самая дорогая командировка становившегося все более известным в читательских кругах корреспондента «Огонька».

Благородная инициатива «огоньковцев» удалась: в одном из ближайших номеров журнала спустя более полувека увидели свет щемящие душу, пронзительно-нежные строки:

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далёко, далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавлен, как радостный птичий полет.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про чёрную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немислимых трав.
Ты плачешь? Послушай... далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

«Жираф», Париж, 1907

И короткие, решительные строки» Капитанов»:

Нас было пять... Мы были капитаны,
Водители безумных кораблей,
И мы переплывали океаны,
Позор для Бога, ужас для людей.

Далекie загадочные страны
Нас не пленяли чарою своей.
Нам нравились зияющие раны,
И зарева, и жалкий треск снастей.

Наш взор являл туманное ненастье,
Что можно видеть, но понять нельзя.
И после смерти наши привиденья

Поднялись, как подводные каменя,
Как прежде, черной гибелью грозя
Искателям неведомого счастья.

Ноябрь 1907, Париж

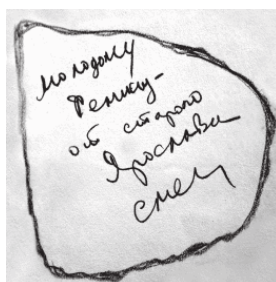
«Бесстрашный «Огонек» попытался себя обезопасить в связи с рискованной публикацией, – вспоминал впоследствии Владимир Енишерлов. – На обложке и на цветной вклейке апрельского семнадцатого номера дали четыре портрета Ленина (в связи со шестнадцатой годовщиной со дня рождения). Внутри – вереница других знаменательных дат: «25 лет победы кубинского народа на Плайя-Хирон», «День советской науки», «75 лет со дня рождения Г.М.Маркова», «К 100-летию со дня рождения Эрнста Тельмана»... Так в обрамлении официозных юбилеев был сделан первый шаг к возвращению замечательного русского поэта советскому читателю».

«Хотя бы одна заветная рукопись должна соединить писателя с будущим...»

Яркой метой в журналистской работе Феликса Медведева первого года перестройки стал его сибирский вояж в июне 1986 года к Виктору Астафьеву. Сотрудник обновляющегося «Огонька» своим профессиональным нюхом почуял, что разговор с мужественным и честным писателем-фронтовиком именно сейчас необходим читателям.

«Буду первым!» Рывок в жизнь, за победой. Пионерский лагерь под поселком Городищи Покровского района. Седьмой класс

Автограф одного из самых известных поэтов Ярослава Смелякова. Москва, 1960 г.

Ему хотелось увидеть Виктора Петровича среди родных мест. При первой же возможности он отправился в Академгородок, в полчаса езды от Красноярска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.